

– близкие аналоги дома В.С. Атаманова есть сейчас и были ранее в Верх-Уймоне, а также в некоторых селах бухтарминских старообрядцев, но не встречаются в ближайшем с. Мульга, что подтверждают архивные данные о различном происхождении первоначального населения этих сел;

– датировка древесины дает разброс дат от 1457 до 1857 г. и требует дополнительных исследований для уточнения времени рубки бревен из других старинных домов Усть-Коксинского района, а также технологии вторичного использования и происхождения старой древесины из старообрядческих заимок (алтайских стоянок);

– доказанный факт использования древесины длительной выдержки в жилых строениях Верх-Уймона в совокупности с архивными данными и историческими легендами «оймонов» позволяет поставить вопрос о пересмотре даты основания села, а также даты проникновения русских переселенцев на территорию Уймонской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспертное заключение по ремонтно-реставрационным работам по дому Атаманова В.С. с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай // Российское республиканское закрытое акционерное общество «Росреставрация». Генеральный ди-

ректор В.С. Евстигнеев / Эксперты: Лурье Б.Д., Пищик И.И. М., 2007.

2. Мальцева Т.Г. Документы по истории Усть-Коксинского района в ЦХАФ АК // Архивные чтения. Усть-Кокса, 09.06.2006.

3. Королев С.Ф. К вопросу о местоположении с. Верхний Уймон // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 150–153.

4. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 80–83.

5. Мукаева Л.Н. У истоков алтайского мараловодства // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 120–126.

6. В поисках Беловодья. Проект «Разная Земля». СПб., 2010. Т. 1.

7. Истомина Н.М. Нижний Уймон, Мульга: рассказывают архивные данные // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 147–149.

8. Галина Ярцева. Рерих и Алтай. – Н.: ИЦ РОССАЗИЯ, 2010.

9. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1983.

10. Королева Е.В. Торговля и пути сообщения России с государствами Центральной Азии в истории заселения русскими Юго-Восточного Алтая // Усть-Коксинские архивные чтения. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 91–95.

Статья поступила
в редакцию 12.08.2013

УДК 821.161.1.09+930.85+002.2(163.1)(091)

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

канд. филол. наук,
Институт истории СО РАН, НГУ,
г. Новосибирск,
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье ставятся проблемы старообрядческой литературной культуры начала XVIII–XX вв. На материале предисловий к рукописным сборникам изучаются методы работы старообрядческих книжников. Центральное внимание в статье уделяется предисловиям в Урало-Сибирском патерике – историко-агиографическом своде, созданном книжниками согласия «часовенных», самого крупного старообрядческого согласия на востоке России, в 1940-х – начале 1990-х гг. Выявлены источники предисловий Урало-Сибирского патерика, среди которых – сборники, созданные выговскими старообрядцами в XVIII в. Показано, что вместе с текстуальным заимствованием передавались идеи и концепции, имеющие важное значение в идеологии старообрядчества (утопические, эсхатологические идеи).

Ключевые слова: старообрядцы, рукописный сборник, Урало-Сибирский патерик, риторика, барокко, литературная культура, утопия, эсхатология.

Старообрядческая письменность, преемственно связанная с древнерусской, сыграла большую роль в сохранении национальных культурных традиций. Это сказалось в культуре создания и оформления рукописной книги, в частности, в том значении, которое старообрядческие книжники придавали предисловиям как важной, значимой, а подчас и самостоятельной части сочинения, сборника или рукописного кодекса (о роли предисловий в древнерусской рукописной и старопечатной книге см., например, [1]; попытка классификации предисловий на материале древнерусской агиографии проведена в работе Е.В. Маркасовой [2]). В старообрядческой литературе, как и в древнерусской, сборник остается главной формой бытования письменных памятников. Стремясь обосновать пра-

воту собственного вероучения, вписывая историю согласия в глобальный исторический контекст, защитники старого обряда создавали сложные многосоставные контекстовые формы – своды, антологии, сборники выписок и полемических подборок. Своеобразным путеводителем в сложной ансамблевой структуре подобных компендиумов становились предисловия: в них, помимо этикетных формул, устанавливающих конвенцию между автором и читателем, намечались концептуальные основы замысла, давалась краткая характеристика содержания.

Как научная проблема, решение которой позволило бы прояснить принципы работы книжника, понять сложные смысловые связи рукописных кодексов, изучение предисловий к старообрядческим сборникам начато в трудах современных исследователей старообрядчества. Комплексный анализ всех пяти предисловий к сборнику, сыгравшему роль краеугольного камня в утверждении основ идеологической системы защитников старого обряда, – «Христианоопасному щиту веры» инока Авраамия, – провела Л.Д. Демидова [3, с. 18–19]. Компильтивный характер двух виршевых предисловий в этой книге еще раньше в работе о силлабическом стихосложении установил А.М. Панченко, который доказал, что их текст заимствован из «Кирилловой книги» (1644 г.) и «Книги о вере» (1648 г.) [4, с. 82–102]. Это издания, прочно вошедшие в круг старообрядческих «книжных авторитетов» [5; 6]. Как показала Л.Д. Демидова, заимствования из авторитетных источников (кроме названных здесь, это труды Максима Грека) не помешали Авраамию наметить основные темы, раскрытые затем в сборнике, представить «Христианоопасный щит веры» как единое целое, «хранилище духовное», обозначив главную полемическую цель – дать отпор «никонианской ереси» и укрепить «верных» [3, с. 18].

Предисловия к нескольким старообрядческим сборникам рассмотрены Н.С. Гурьяновой [7]. Анализ предисловий к книге выписок, составленной в 1660-е гг. соловецким уставщиком Геронтием, доказывает единство замысла и подтверждает то, что эта книга изначально составлялась как полемический сборник, обладающий единой структурой. Н.С. Гурьянова отметила также важную роль предисловий к «Дьяконовым ответам» (начало XVIII в.) и к сборнику, составленному в 1760–1770-е гг. выговским писателем Андреем Борисовым [7, с. 46–47].

Л.Д. Демидова и Н.С. Гурьянова на конкретном материале исследовали и такую важную особенность предисловий, как компильтивность. Использование клишированных форм, «общих мест» на уровне отдельных приемов и целых текстовых фрагментов, мигрирующих из одной книги в другую, не противоречит основным особенностям поэтики древнерусской литературы, ориентирующейся на канон. Эта особенность характерна и для книжных предисловий. Авторское начало проявлялось порой в умении заново осмыслить «чужой текст», выразить собственную концепцию, пользуясь набором цитат и «общих мест». В этом старообрядческие книжники следуют древнерусской традиции. Состав источников, признанных авторитетными, дополнялся старообрядцами за счет сочинений признанных лидеров движения.

Н.С. Гурьянова высказала важную мысль, что на традицию составления предисловий оказала влияние книжная культура, пришедшая из Киевской митрополии [7, с. 44]. Добавим, что это была культура, развивавшаяся в условиях господства стиля барокко, культура риторическая по сути своей. Е.В. Маркасова, исследуя стилистику предисловия к Житию Корнилия Выговского редакции Трифона Петрова, обратилась к теоретическому материалу риторик [2, с. 243–252]. Как справедливо ею отмечено, в риториках, популярных у выговских старообрядцев (а эти тексты, заметим, имели барочный характер), предисловиям уделялось самое пристальное внимание. Так, в Риторике Софрония Лихуда предисловие сравнивается с торжественным входом в слово, «в царские палаты пресветлыя преддверия». Начальной части сочинения во всех риториках того времени посвящались специальные разделы. Объемными, пышно украшенными миниатюрами, буквицами и вязью предисловиями открывались даже сами книги по риторике, как заимствованные, так и оригинальные (к последним принадлежат Риторика-свод, 1720–1730-е гг., Поморская риторика, 1760-е гг. [8; 9, с. 61–67], сборники, содержащие фрагменты риторик и образцы слов, написанных по их правилам [9, с. 14–15, 31]). Подобные предисловия имели и самостоятельное бытование в письменности.

Закономерно, что влияние как предшествующей традиции (древнерусской и ранней старообрядческой), так и современной риторической сказалось на предисловиях к обширным сводам, которые с начала XVIII в. создаются в рамках выговской литературной школы (например, «Поморские ответы», «История об отцах и страдальцах соловецких» и «Виноград российский» Семена Денисова, «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова), а затем, будучи включены в состав письменности старообрядцев разных согласий, влияют на позднейшую рукописную традицию. Предисловия к этим сочинениям, созданным в эпоху господства в старообрядческой книжной культуре барочных тенденций, оказали самое непосредственное воздействие на предисловия к Урало-Сибирскому патерику, написанному в таежных скитах во второй половине XX в.

Урало-Сибирский патерик – обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в конце 1940-х – начале 1990-х гг. в крупнейшем на востоке России старообрядческом часовенном согласии. Его основу составили сочинения староверов XVIII–XIX вв. по истории конфессии, записи устных преданий, авторские тексты составителей патерика – крестьянских писателей. Памятник включил несколько десятков жизнеописаний пустынножителей, выполненных в древнейшем жанре агиографии¹. Рассказы Патерика о событиях и людях конца

¹ Об Урало-Сибирском патерике см.: [10, с. 314–394; 9, с. 308–331]. Отдельные главы опубликованы [11, с. 97–158]. В настоящее время Н.Н. Покровским, Н.Д. Зольниковой и О.Д. Журавель подготовлены к изданию два первых тома памятника.

XIX–XX вв. основаны на записях, которые делались в старообрядческих монастырских центрах (скитах) и в связанных с ними крестьянских поселениях по указу о. Симеона (Лаптева) – наставника часовенных, ставшего главным редактором этого труда и автором предисловий. То, что труд редактора явился откликом на существующую уже народную традицию записи преданий, отразившую столь важную для старообрядцев категорию исторической памяти, отмечено уже в первой фразе предисловия:

«Понеже убо мнози, ови съчиниша, ови же словом изъявиша различная повествования о пустынных жителех обоего пола, в последнее гонительное и плачевное время подвизавшихся в северных странах российския земли, в пределах уральской и сибирской пустыни, изволися убо и нам, сим последовавшим, сия их писания некую часть от нужнейших совокупити» (л. 1)². Само построение фразы, как и отсылка к преданию, находят соответствие в авторитетнейшем источнике – в Евангелии св. Луки, и эта параллель была отмечена [10, с. 315]. Ср.: «Понеже убо мнози начаша чинити повесть о известованных в нас вещех, яко же предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе, изволися и мне последовавшу выше вся испытно, поряду писати тебе, державный Феофиле» (Лк 1: 1–4).

Аналогичный риторический прием встречается в сочинениях выговских авторов, например, в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова: «Аще убо древнии творцев Омир толико тщание, толико подвизание, толикий труд показа, во еже написати Тройска града начало, жителство и разорение, ...колико нам подобает множайшее тщание... явити ко изъявлению не града крепка и преславна, ...но монастыря свята и пречюдна»³. Ср. также в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова: «Древнии же списатели, еврейстии же и язычестии, писаша в своих летописцах и историях жития святых царей..., тако же и христианстии повестописци писаша о церковном состоянии и о престатии идольскаго нечестия, ...тому же обычаю и мы последующе: аще и кратко и простыми речьми, обаче самую описуем истину...»⁴.

Очевидно смысловое отличие текста Патерика от этих версий: в нем, как и в Евангелии, автор сопоставляет себя с теми «многими», кто уже рассказывает о событиях, дело редактора – «совокупити», собрать воедино плоды народного творчества, выговцы же в первую очередь апеллируют к древней традиции, «Омиру» (Гомеру), языческим и раннехристианским писателям. Однако далее, после риторического пассажа, Семен Денисов в предисловии «Истории об отцах и страдальцах соловецких» ссылается на те же источники, что и автор Патерика: «...яже от различных списателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом...»

<p align="center">Урало-Сибирский патерик</p> <p><i>не похвалу сим, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния их изъявляюще</i> (л. 1)</p>	<p align="center">«История об отцах и страдальцах Соловецких»</p> <p><i>не похвалу мужем чюдным, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния отец, яже от различных списателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом, яже от оставших соловецких отец известно научихомся, сия боголюбивых ушесем представляюще, возвещаем</i>⁵</p>
--	---

Намечая план дальнейшего повествования, автор предисловия в Патерике также следует за выговским источником:

<p align="center">Урало-Сибирский патерик</p> <p><i>И первое убо о начале благочестия, откуда изыде, и проповеди Слова Божия, и о неразрушимом пребывании христианскаго рода до скончания века, в краткости; таже о гонении, бывшем от никониян, и о великодушии страдания ревнителей благочестия</i> (л. 1–1 об.)</p>	<p align="center">«История об отцах и страдальцах Соловецких»</p> <p><i>И первее убо о начале святыя обители, когда создася... наконец о великодушии страдания ревности благочестия</i>⁶</p>
---	--

Отметим и важное отличие: Семен Денисов пишет «о начале святыя обители». сибирский автор – «о начале благочестия», намечая историческую и одновременно эсхатологическую перспективу («до скончания века»). Урало-Сибирский патерик выразил свойственную старообрядческой историософии идею восхождения истоков своего

² Здесь и далее текст Урало-Сибирского патерика цитируется по ксерокопии: Собр. Института истории СО РАН, № 4/90-г, с указанием страниц в скобках.

³ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 362–362 об.

⁴ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 1.

⁵ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 363–363 об.

⁶ Там же. Л. 363 об.

вероучения к апостолам и самому Христу. Эта концепция, разделяемая уже протопопом Аввакумом, была сформулирована историографами Выга [12, с. 90–96; 13, с. 120–138], а затем поддержана идеологами других согласий, в частности, часовенных. Последнее нашло прямое выражение в жанре старообрядческих родословий [11] и в Урало-Сибирском патерике. «Старообрядцы ощущали себя и первыми христианами, и последними; в их сознании конец отчетливо смыкался с началом, замыкая круг истории, заключая время в контекст вечности» [14, с. 32].

Эсхатологическая призма задана и в первой процитированной выше фразе, где определены географические рамки повествования («в северных странах российские земли, в пределах уральской и сибирской пустыни»): «в последнее гонительное и плачевное время». Таким образом, предисловие задает ракурс повествования о событиях на протяжении более чем двух веков, исходя из слов апостола, что «времени больше нет» («яко время прекращено есть прочее» – 1 Кор. 7 : 29)⁷. Здесь же перечисляются и конкретные темы, раскрытые затем в Патерике: «о подвизавшихся в пустыни, и борбствовавших противу невидимых врагов, и о молебствах людских на могилах их, наконец, о различных чудесных событиях».

Примечательно, что, изыясняя цель своего труда, о. Симеон заимствует стихотворный фрагмент сочинения Семена Денисова. 13-сложные силлабические вирши пришлись по вкусу писателю XX в.

<p>Урало-Сибирский патерик</p> <p>да неведящие, слышавше, удивятся, ведящие же памятью обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушания в небе восприимут</p>	<p>«История об отцах и страдальцах Соловецких»</p> <p>неведящие, слышавше, удивятся, ведящие же памятью обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушанию в небе восприимут⁸</p>
---	--

Смысл стихов затем подробно поясняется, автор акцентирует важность проповеднической и даже миссионерской функции памятника. Главная его цель – «утверждение в вере». Сочинение адресовалось не только «ведящим», но и тем материалистам и атеистам из внешнего мира, кто не признает «никаких сверхестественных действий и чудес, и не исповедающих быти Бога, и никакого духа, ни добраго, ни злаго, т. е. ни ангела, ни души, ни беса» (л. 2). Именно поэтому актуальными становятся рассказы о чудесах, действенная сила которых в убеждении неверующих была доказана Самим Христом в его бытность на земле. Не случайно и самоназвание памятника: «Повести чудесных событий».

Все, о чем было сказано выше, относится к первому предисловию, которое озаглавлено и выделено графически. В памятнике присутствует и второе предисловие – им, без сомнения, является первая глава и начало второй главы 1-го тома (л. 3–5 об.). Это второе предисловие и раскрывает идею, намеченную в первом – представить историю согласия от его истоков, рассказать «о нерушимом пребывании христианского рода». Слитность текста этого второго предисловия с началом повествования об истории часовенного согласия не случайна: таким образом автор даже визуально показывает неотрывность жизни и деятельности согласия от самого корня христианской веры. Такой же прием используется и в «Истории Выговской пустыни»⁹. Глобальный контекст мировой истории предваряет повествование о пустынножителях Керженских скитов, откуда ведут свою историю староверы-часовенные.

Изложение истории истинной веры (и истории согласия) начинается с известной евангельской цитаты «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою» (Мф 16 : 18), лежащей у истоков экклезиологии старообрядцев, отказавшихся от официальной церкви. Статус догмы получила цитата из Иоанна Златоуста «Церковь есть не стены и покров, но вера и житие»¹⁰, приведенная уже в «Поморских ответах» в качестве аргумента в пользу отказа от официальной церкви. Приводя евангельские цитаты, ссылаясь на богословскую литературу (Благовестник Феофилакта Болгарского¹¹), о. Симеон излагает свое понимание истинной веры. Важной для него является идея принадлежности к единому роду всех «верных» христиан: «и еще глаголет Христос: “Не придет род сей, дондеже вся сия будут”. Род, рече, не тогда суший, но род весь христианский верный...» В сюжетах Патерика часто говорится о жителях старообрядческого скита как о «семье»; наставники и наставницы, обращаясь к рядовым скитянам, выражают свои отеческие и материнские чувства. Духовному единству (родству) отдается безусловное предпочтение перед физическим родством. Заострить мысль о всех членах согласия, некогда живших и живущих, как о едином роде, представлялось автору очень важным. Не случайно жанр исторических сочинений, использованных и в данном памятнике, определяется как «родословия».

⁷ Отметим, что в самих рассказах даты всегда указаны предельно точно, речь идет именно об эсхатологической призме восприятия событий «последнего времени».

⁸ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 363 об. – 364.

⁹ История «рода христианского» плавно переходит в рассказ об основании Выга Даниилом Викуловым (Филитов И. Указ. соч. С. 27).

¹⁰ Иоанн Златоуст. Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641. Л. 519.

¹¹ Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием (благовестное). М., 1649.

В изложении историософской концепции, вывода «христианский род» от сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы, автор предисловия к Патерику берет несколько небольших цитат из авторитетной «Книги о вере» 1648 г., давая в целом самостоятельную краткую версию древней истории.

<p style="text-align: center;">Урало-Сибирский патерик</p> <p><i>По преславном убо Вознесении Господа нашего Исуса Христа Дух Святыи прииде на святыя апостолы в День пятидесятный и научи их всему, еже веровати подобает <...> Тогда и наша отдаленная Россия не лишена была от проповеди апостольския (л. 3 об.–4).</i></p>	<p style="text-align: center;">Книга о вере</p> <p><i>По преславном же Воскресении Своем и Вознесении на небеса дело то спасеное божественным учеником и апостолом поручил...¹²</i></p> <p><i>В та же времена и веки и Русия не лишена бысть от проповеди апостольския¹³.</i></p>
---	--

Далее в описании процветания веры на Руси вплоть до патриарха Никона автор Патерики следует составителю «Винограда Российского». В этом сочинении Семена Денисова нашло яркое отражение утопическое представление о «золотом веке» православия на Руси. Для создания идеального образа Руси как цитадели православия, «теократической утопии» [15, с. 459–463], старообрядцами был использован «панегирический», по терминологии Н.В. Сеницыной, аспект знаменитой доктрины «Москва – Третий Рим» [16, с. 269–278]. В соответствии с ним Московская Русь трактовалась как центр вселенского православия: «...Старого убо Рима церкви падеся... сия же нынѣ третьяго Рима, державнаго твоего царствия святая соборная апостольская Церкви, иже в концѣх вселенныя в православнѣи христианстей вѣре во всей поднебеснѣи паче солнца свѣтитца...» [16, с. 361].

Эта идея нашла яркое образное воплощение в «Винограде Российском» Семена Денисова. Пользуясь средствами барочной стилистики, выговский автор рисует пышную картину райского процветания в дониконовской Руси [9, с. 183–184]. Ответ райской утопии лежит и на фрагменте из предисловия Патерики, где излагается история российского благочестия.

<p style="text-align: center;">Урало-Сибирский патерик</p> <p><i>великий князь Владимир своим добродвижным тицанием взыска светлость пресветлаго благочестия Сионскаго на востоке, всю Россию привед во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон, Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, оттуду вся доброты православия, вся красоты церкви, оттуду архиепископы и епископы, и священники, и весь церковный причет преславно привлече, откуда преславная Россия так пресветло многосияннаго православия светом преоблиста, что не было града, ни села, ни веси, идеже благочестия свет не сияше (л. 4–4 об.).</i></p>	<p style="text-align: center;">«Виноград Российский»</p> <p><i>великии убо и всехрабрыи князь Владимир, муж яко пречюдныи храбрости, тако дивнаго тицания сыи, иже своим добродвижным тицанием взыска светлость пресветлаго Сионскаго благочестия на востоце и взыскав от восточных стран, всю Россию привед во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон и Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, ... отонуду архиепископы, епископы, священницы и весь церковный причет, и вкратце рещи, вся доброты православия, вся красоты церкви, вся благолепия христианская, от грек в российския страны преславно привлече, откуда преславная Россия всепреславным благочестия просветившиися светом, толь всепресветло многосияннаго православия свет... простре, ... яко не бяше града, идеже благочестия свет не сияше, но бяше села, идеже православия луча не озаряше, не бяше веси, идеже благоверия сияние не блисташе¹⁴.</i></p>
---	---

Как видим, слегка сократив текст источника, автор Патерики следует довольно точно за Семеном Денисовым, в его текст попадают плеоназмы (добродвижный, многосиянный), являющиеся характерной чертой барочного стиля. Заимствуется фрагмент, где при помощи повтора ключевых слов с корнем «свет» путем риторического приема гомеоптотона формируется мотив райской идиллии.

Включен в предисловие Патерики и фрагмент из Уложенной грамоты цареградского патриарха Иеремии об утверждении патриаршества на Руси в 1589 г., вошедший в Кормчую 1653 г. В грамоте изложены основные тезисы теории «Москва – Третий Рим». Источником грамоты послужило Послание великому князю Василию III – одно из основных сочинений, представлявших доктрину [17, с. 86; 16, с. 299–305]. Эта грамота впервые пересказывается в Пятой Соловецкой челобитной [13, с. 121–122], а затем – со ссылкой на Кормчую – цитируется во всех крупнейших сочинениях старообрядцев: «Поморских ответах», «Винограде российском» Семена Дени-

¹² Книга о вере. М., 1648. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 6–6 об.

сова, «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова и, наконец, в Урало-Сибирском патерике, подтверждающая связь вероучения часовенных с традициями Московской Руси¹⁵.

И, наконец, автора XX в. не оставило равнодушным описание грандиозной мистерии порабощения мира силами тьмы. Эсхатологическая идея выражается Семеном Денисовым в контрастной барочной тональности, при помощи приемов гиперболы и персонификации. Приведем часть фрагмента Патерика, заимствованного из книги Семена Денисова.

Урало-Сибирский патерик	«Виноград Российский»
<p>Но не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. О твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепрепроклятыи дьяволе! Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставишая северная свирепепо нагльствуует, и на российскую всеблагодатную (увы!) наскочет страну, вся спасительная обезобразив, испроверже, вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи... (л. 4 об.–5)</p>	<p>Обаче не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. Оле твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепрепроклятыи дьяволе!...¹⁶</p> <p>Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставишая северная всесвирепепо нагльствуует и нагло свирепеет, на росийскую всеблагодатную (увы!) наскочет страну,... (Л. 14)¹⁷</p> <p>вся спасительная обезобразив, испроверже,... вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи...¹⁸</p>

Таким образом, в предисловиях к крупным рукописным кодексам, посвященным истории и идеологии старообрядчества, среди которых – «Поморские ответы», «История об отцах и страдальцах соловецких», «Виноград Российский» Семена Денисова, «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова, был сформирован общий круг тем и образов, которые использовались и в позднейшем обобщающем труде по истории часовенного согласия, Урало-Сибирском патерике. Среди идей, сформулированных в предисловиях и «мигрирующих» от памятника к памятнику, – важнейшие концепты старообрядческой историософии: эсхатологические построения и идеальное утопическое представление о Руси дониконовской как о своеобразном «золотом веке» христианства. Предисловие оказывается одним из способов передачи и хранения исторической памяти, включающей и самобытную мифологию, и языковые художественные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.
2. Маркасова Е.В. Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII – начала XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 243–252.
3. Демидова Л.Д. «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества : автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 29 с.
4. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 280 с.
5. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
6. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. 379 с.
7. Гурьянова Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 43–48.
8. Поньрко Н.В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.
9. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с.

10. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.
11. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск, 1999. 800 с.
12. Крамми Р. Историческая схема выгорецких большаков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96.
13. Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) : сб. науч. тр.; под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 120–138.
14. Герасимова Н.М. Поэтика «Жития» протопopa Аввакума. СПб., 1993. 87 с.
15. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века / Репр. воспроизвед. М., 1995. 528 с.
16. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 416 с.
17. Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 68–97.

Статья поступила
в редакцию 09.08.2013

¹⁵ Публикацию текстуально близких фрагментов из названных сочинений, включая Патерик, см.: [9, с. 185].

¹⁶ Собр. Института истории СО РАН, № 54/71, л. 12.

¹⁷ Там же, л. 14.

¹⁸ Там же, л. 15 об.–16.